

Глава IV

НОВГОРОД В ГОДЫ БОРЬБЫ С НЕМЦАМИ И ШВЕДАМИ

В 1237 г. плохие дороги и непроходимые болота преградили дорогу на Новгород коннице Батыя, в значительной мере обескровленной и ослабленной мужественным сопротивлением русских княжеств. Татарские войска не рискнули встретиться с сильным новгородским войском и повернули назад из района озера Селигер. Северо-запад Руси счастливо избежал татарского разгрома.

Однако Золотая орда стремилась подчинить Новгород и обложить его данью наравне с покоренными русскими княжествами. Зимой 1257/58 г. в Новгород являются татарские баскаки для переписи населения. Через год, в 1259 г., туда вновь приезжают «татары-сыроядци». В Новгороде разгорается восстание: черный люд выступает также и против бояр, пытавшихся переложить всю тяжесть поборов на меньших людей: «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Татары принуждены скрыться от народного озлобления. События грозили перейти в конфликт Новгорода с Золотой ордой, который предусмотрительно предотвращает Александр Невский, понимавший, что разгром Новгорода ордой повлечет за собой подчинение его более страшному врагу — немцам. Новгород с этой поры начинает платить «выход ордынский» и становится в политическую зависимость от Владимиро-Суздальского княжества. «Старшейшая русская республика» (К. Маркс) разделяет общую участь русских княжеств и вступает в борьбу с натиском Швеции и ливонских рыцарей как часть русской земли.

Александр Невский провел юность в Новгороде. Здесь княжил его отец, Ярослав Всеволодович. Здесь, начиная с 1236 г., княжил и он сам. Александр любил Новгород, знал новгородцев и умел подчинять их своей власти. Новгородцы высоко ценили своего князя, с уважением отзывались о его воинском искусстве, видели в нем надежного защитника против иноземного нашествия, которым грозила Новгороду тяжелая военная обстановка второй четверти XIII в.

В 1236—1240 гг. страшный разгром Руси полчищами татаро-монго-

лов дал немцам надежду на подчинение себе северо-западной Руси. К этому времени происходит объединение немецких рыцарей в Прибалтике: ордена меченосцев и тевтонского ордена.

В то же время (1239 г.) папа римский вел переговоры о совместном выступлении ордена и Швеции против Руси. Казалось, полчища врагов не могли встретить сильного сопротивления в дотла разоренных городах и селах Руси. Крестоносное войско шведов первым выступило в поход. Шведы прибыли на кораблях в Неву и остановились в устье Ижоры, намереваясь идти на Новгород. Во главе шведского войска стоял зять короля Эрика — Биргер, фактический правитель Швеции. Большое войско шведов было хорошо вооружено и прекрасно организовано. Биргер не сомневался в успехе и выслал Александру гордое объявление войны: «Если можешь противиться нам, то я уже здесь и пленю землю твою». Шведам казалось, что Александр, которому было всего лишь 20 лет от роду, не сумеет собрать дружину и защитить Новгород. Однако Александр и в двадцать лет был уже зрелым воином. «Разгоревшись сердцем» (так пишет летописец), Александр, не тратя времени на сборы, с небольшой дружиной двинулся на шведов, чтобы стремительным ударом разбить врага. На пути Александра встретил старейшина Ижорской земли, местный житель, ижорец Пельгусий, который по поручению Александра нес морскую стражу. Пельгусий рассказал Александру о расположении и количестве шведов.

15 июля 1240 г. Александр внезапно напал на шведов и разбил их. Сражаясь в рядах своего войска, Александр нанес удар мечом в лицо самому Биргеру. Шесть простых ратников особенно прославились в этой битве. О подвигах их рассказывает житие Александра. Поражение шведов было окончательным.

Вскоре после этой великой победы на Неве, за которую Александр получил впоследствии прозвание Невского, он рассорился с новгородским боярством и уехал из Новгорода. Воспользовавшись отъездом Александра, немецкие рыцари вторглись в русские земли. Они намеревались захватить Псков, а затем напасть на Новгород. Измена князя Ярослава Владимировича, изгнанного перед этим псковичами, облегчала немцам поход.

Войско рыцарей, в которое были завербованы также жители Дерпта, Оденпе и Феллина, захватило отчаянно сопротивлявшуюся крепость Изборск. Жители Пскова выступили против рыцарей. Под Изборском развернулось большое сражение, но псковичей было слишком мало, и они были разбиты. Немцы подошли к Пскову, но взять штурмом его крепкие стены не смогли. Жители храбро отбивались, и лишь измена открыла немцам путь в город: псковский посадник Твердило Иванович с боярами-изменниками впустил немецких захватчиков в Псков. Часть псковичей успела бежать в Новгород с женами и детьми.

Захватив Псковскую землю, немцы попытались здесь утвердиться и построили крепость Копорье. Они стали грабить население, отнимали коней у крестьян, угоняли скот. В своих грабительских набегах немцы доходили почти до самого Новгорода.

Жители Новгорода потребовали от бояр возвращения Александра. К нему послали послов. Перед лицом опасности, угрожавшей русской земле, князь, забыв обиды, вернулся в Новгород и стал собирать войско из новгородцев, ладожан, карел, ижорян.

Прежде всего он взял Копорье, срыл до основания его укрепление, освободил окрестное население. К войску Александра присоединились ратники и из других русских областей. С большой ратью из центральных областей Руси пришел брат Александра Невского Андрей. Общая опасность объединяла русских людей, и в этом объединении чувствовалось предвещание будущего государственного объединения Руси. Память об этом единении русских людей в рати Александра Невского долго сохранялась в народе и дожила до той поры, когда вся Русь объединилась под красными княжескими знаменами другого замечательного русского полководца и государственного деятеля — Дмитрия Донского. Дмитрий Донской с гордостью причислял к своим предкам Александра Невского и призывал следовать его примеру.

Войско Александра Невского двинулось к Пскову. В 1242 г. Александр подступил к стенам Пскова и взял их приступом. В числе захваченных им пленных были орденские наместники. Освободив всю Псковскую область от власти ордена, Александр Ярославич вторгся во владения ордена. Огромное рыцарское войско выступило ему навстречу. Рыцари хвалились, по словам составителя жития Александра Невского: «возьмем князя Александра руками». Рыцари просчитались.

Александр приготовился встретить немецких рыцарей у Вороньего камня на Чудском озере. Готовясь к встрече с рыцарским войском, Александр Невский ясно представлял себе силу фронтального удара знаменитой немецкой «свиньи» (построение войска клином), слабость ее флангов и затруднительность перестроения ее рядов во время боя. В соответствии с этим Александр построил свои войска так, чтобы основные силы его рати находились не в центре, а на флангах.

5 апреля 1245 г. на весеннем льду Чудского озера, у Вороньего камня, произошло сражение, в котором храбрость русских воинов, боровшихся за свободу своей родины, привела к разгрому немецких захватчиков.

Немецкий клин, ударивший в центр русского войска, был в свою очередь зажат с флангов и с тыла. Немцы оказались наголову разбитыми. Не было видно льда от покрывшей его крови. Семь верст гнал Александр немецких рыцарей по озеру. Многие из них утонули, многие были убиты и изранены. Для немцев это сражение было настоящим побоищем; недаром народ дал ему название Ледового побоища.

Победа новгородских воинов на льду Чудского озера преградила путь немецким рыцарям в русские пределы, надолго отбросив их от границ Новгорода и всей русской земли.

Личность Александра Невского оставила глубокий след в русской истории. Уже в представлениях современников он был народным героем, богатырем. Его имя было окружено легендами. Сразу же после смерти

Александра, оплакиваемого всем народом, было составлено его житие, в котором в глубоко поэтической форме излагается биография Александра Невского. Славе Александра житие придает всемирное значение: народы «по всем странам» трепещут при его имени, король северной страны завидует Александру, римский папа посылает к нему своих кардиналов, Литва боится его, татарские жены пугают своих детей угрозой «Александр едет», и сам Батый признает его превосходство над всеми остальными русскими князьями. Магистр Ливонского ордена меченосцев Андрей фонд Вельвен (в житии — Андреяш), возвратясь на родину, так отзывался о дивном росте Александра: «не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Народная любовь к своему герою отразилась в житии Александра Невского. Он наделяется всеми необычайными качествами: голос его звучал, как труба, храбростью он напоминал римского цесаря Веспасиана, силой — Самсона, красотой — Иосифа Прекрасного, мудростью — Соломона. Так было выражено в его житии то впечатление, которое он оставил по себе в народе. По смерти его народ плакал и говорил: «уже погибает». При встрече его тела в Боголюбове люди так рыдали, «яко земли потрястися».

Со времени княжения в Новгороде великого князя Александра Невского, сумевшего завоевать себе на Руси непререкаемый авторитет победами над шведами и немцами, меняется отношение новгородцев к княжеской власти. Военные труды становятся на первое место в государстве Новгорода, и за военным специалистом — князем признается право вмешательства в управление страной. Александр Невский круто обращался с новгородским боярством, но новгородцы терпели его властную руку, зная, что без него им не обойтись.

На конец XIII и на XIV в. приходится расцвет новгородской торговли с Западом и с «Низовской землей» — северо-восточными княжествами, а через них — с Золотой ордой. Немалая роль в торговле с Западом принадлежала Ганзе и входившим в ее состав городам Любеку, Риге, Ревелю, Дерпту (Юрьеву) и Висби на острове Готланде. Стремясь сохранить за собой основные пути этой торговли, новгородцы активно обороняют районы по Неве и Луге, которые пытается захватить Швеция. В конце XIII в. Швеция строит Выборг и Кексгольм, сразу же взятый и разрушенный новгородцами; в 1300 г. Швеция строит в устье Охты Ландскрону, также взятую и срытую новгородцами. Юрий Данилович осаждает в 1322 г. Выборг, строит Ореховец (ныне Петрокрепость) в устье Невы и вынуждает Швецию заключить длительный мир (1323 г.), закрепивший Неву за Новгородом и воспретивший Швеции строить крепости у границы.

В 1348 г. король шведский Магнус объявляет крестовый поход на Новгород. В обмен на помощь псковичей Новгород признает самостоятельность Пскова. Однако в решительную минуту под Ореховцем псковичи оставляют новгородцев одних, вынужденные к тому известием о нападении на их собственную землю. Новгородцы одни справляются с Магнусом и заключают мир, надолго утихомиривший Швецию.

Несмотря на то, что Новгород избег непосредственного разгрома Батыем, общая судьба русской земли не замедлила сказаться и на новгородском искусстве.

В первой половине XIII в. наблюдается упадок строительной деятельности не только в тех русских областях, которые подвергались опустошительному разгрому татаро-монгольских орд, но и в Новгороде. Новгородское искусство этой поры нам известно очень мало. Это объясняется в первую очередь экономическим оскудением Новгорода; татаро-монгольское нашествие окончательно отрезало торговые пути на юг, в Византию, и новгородская торговля испытывает значительный кризис. Но все же архитектурное искусство в Новгороде не замирает.

Единственный сохранившийся памятник русского каменного строительства XIII в. — церковь Николы Липного около Новгорода (1292 г.). Затерянная среди непроходимых болот, церковь Николы Липного, выстроенная при сыне Александра Невского — Андрее Александровиче, представляет исключительный интерес и для истории русской архитектуры и — своими фресками — для истории русской живописи.

Церковь представляет собой почти правильный куб. Деление стены на три части «лопатками» (пилястрами) отсутствует. Кровля первоначально шла по трехлопастным аркам, сопровождаемым пояском декоративных арок. Такими же арочками украшен барабан под шлемовидным куполом.

Одна глава и одна алтарная апсида подчеркивают монолитность здания. Древние фрески, расчистка которых была начата в 1930 г., представляют исключительный интерес. Изображения Бориса и Глеба, многочисленных фигур воинов в верхних поясах росписи, исполненные русскими мастерами, сильно отличаются от форм византийского искусства и дают важный материал для изучения одежды и вооружения новгородских князей XIII в.

Под ударами батыевой рати погибли многие очаги русской письменности, гибли и самые книги. Так, например, при взятии Владимира, в числе других похищенных в Успенском соборе сокровищ, татары, по словам летописи, «и книги одраша». Не удивительно, что после 1238 г. ряд существовавших до того центров книжности сразу же и надолго замирает. Замирает книжное дело в «матери городов русских» — Киеве, в Чернигове, в Суздале и др. Иной была судьба книжности в тех городах, которые или вовсе избегли разорения (Ростов, Псков, Новгород) или быстро сумели оправиться от него (Галич, Владимир Волынский).

Работа книжников не только не пострадала в Новгороде, но даже заметно выиграла. В Новгород приливают книжные богатства, переселяются и книжники, ищущие здесь спасения от тревог татарщины. Многочисленные новгородские рукописи этого периода сохранились до наших дней в составе Типографской и Синодальной библиотек в Москве. Оба эти кни-

тохранилища, возникшие во второй половине XVII в., бережно сохранили вытребованную в 1679 г. из Новгорода и Пскова специальным приказом патриарха Иоакима большую партию «старобытных», как говорилось в приказе, «харатейных» (т. е. пергаменных) книг для сверки с ними печатавшихся тогда в Москве богослужебных изданий.

Из приписок на новгородских книгах уясняются и мотивы для написания и социально-бытовой облик переписчиков. Из них видно прежде всего, что, кроме новгородской архиепископской канцелярии, так называемого «владычного двора», в деле изготовления новгородских книг участвовали также многочисленные новгородские монастыри и приходские церкви. Так, например, древнейшим очагом новгородской письменности был женский Лазарев монастырь в Неревском конце, упоминаемый иногда в новгородских летописях: там возникли многие древнейшие и ценнейшие памятники русского письма — служебные минеи 1095 и 1096 гг. и ряд памятников XII в. (например, известно Милятино евангелие 1188 г. в Публичной библиотеке в Ленинграде); не прекращалась там работа над книгой и в XIII в.

Из наиболее ранних книжников Лазарева монастыря известны по именам: Матвей, Лаврентий, Домка и Городен. Замечательно, что изготовленные ими еще в XI—XIII вв. рукописи — их всего уцелело девять — не только переплетались там же в XIII—XIV вв., но и сохранялись в том же самом монастыре, для которого когда-то были написаны. Большинство из них поступило в 1679 г. на Московский печатный двор с пометой: «Лазарева монастыря». Такая исключительная по длительности, в целых 500 лет, сохранность книги на месте ее возникновения, едва ли вообще возможная в других областях древней Руси, кроме Новгорода, здесь, напротив, не была, надо думать, большой редкостью. На полях и переплетах древних новгородских рукописей сохранилось немало приписок их владельцев. Эти приписки очень характерны и вводят нас в самую гущу древнего новгородского быта.

Любопытна приписка на Синодике (книге, куда вписывались для поминания в молитвах имена умерших), заполнявшемся в Лисицком монастыре начиная с 1397 г. почти 200 лет, о ежегодных пирах-поминках, устраивавшихся вдовой новгородского посадника Афанасия Евстафьевича: «месяца октября в первый день Покрова святые Богородицы обед Марьин Офонаса Остафьевича посадника, обед вечный на память себе и своим родителям, а служители игумену и священникам по моим родителям, обедня собором, а братья на трапезе бочка квасу слащого, Марьи за здравье и ее сыну Микити з женой и з детьми». Связь богослужебной книги с тогдашним бытом здесь очевидна.

Ряд приписок позволяет установить, когда именно новгородская письменность достигла наивысшего своего расцвета: имя новгородского архиепископа Моисея, управлявшего «домом св. Софии» с 1323 по 1330 и вторично с 1352 по 1389 год, встречается в пергаменных новгородских рукописях не раз, при этом так, что не оставляет сомнения в не случайном характере упоминания. «Повелением архиепископа новгородского Моисея» пишут,

например, «Леонид и Иосиф, владычни робята», то есть чиновники архиепископской канцелярии, в 1356 г. Пролог. Годом раньше, опять-таки «повелением боголюбивого архиепископа новгородского Моисея», тот же Леонид, носивший, как оказывается, прозвище Языковича, в содружестве с каким-то Григорием, тоже, должно быть, владычным дьяком, переписал евангелие, пожаловавшись при этом в заключительной приписке на трудность своей работы: «лихое (плохое) перо, невольно (неудобно) им писать рабу многогрешному Леониду Офонасовичю». Как видно отсюда, на владычном дворе в середине XIV в. книги переписывались систематически одними и теми же должностными лицами из года в год. Однако наряду с инициативой архиепископа новгородская книжность знает в ту эпоху и инициативу «уличан» — общественных организаций отдельных районов города: тrefалогий 1442 г. написан был «повелением раб божиих уличан Михайловцов и Видковлян», т. е. жителей Михайловской и Видковой улиц на Торговой стороне, отстроивших незадолго перед тем заново свою приходскую церковь¹.

Особенное значение для всей русской культуры в целом имело то обстоятельство, что в пору, когда были разгромлены все основные старые центры русского летописания — Киев, Чернигов, Владимир, Переяславль Южный и др., — новгородские летописцы не только продолжали свою работу, но и значительно ее расширяли, непрерывно обогащая замечательные летописные богатства Новгорода.

Начало XIII в. приносит существенный перелом в новгородском летописании. К XIII в. значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересоваться событиями вне стен его родного города. Появляется понятие «Русская земля», до того почти совершенно отсутствовавшее в новгородской летописи. Этот интерес новгородского летописания к общерусским событиям возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вмешавшего Новгород в дела северо-восточных княжеств. Последующая зависимость Новгорода от северо-восточных княжеств окончательно закрепляет внимание летописца к общерусским событиям.

С начала XIII в. новгородская летопись следит за действиями немцев и татар, а затем и шведов. Годовые летописные статьи становятся пространнее, шире описываются в них события городской жизни: столкновения классов, вечевые раздоры, отъезды и приглашения князей. Летопись приобретает ту широту письма и обширную осведомленность, которая позволила Москве позднее — в XV в. — использовать новгородское летописание в составлении своих грандиозных общерусских сводов.

На всем протяжении XIII—XIV вв. новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, придающие ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем ни

¹ Раздел о новгородских рукописях написан на основании неопубликованной статьи покойного В. А. Комаровича «Просвещение XIII—XV вв.».

перед тем — в южном (киевском, галицко-волынском и др.), ни после того — в московском летописании. Летописец говорит о врагах, что они разбежались «куда кто видя» (1228 г.); архиепископа новгородского Антония, рассказывает он, выпроводили из пределов города «пыхающе за ворот» (1228 г.), а Ольгерд обвинял новгородцев в том, что один из посадников «лаял» его и называл «псом». Летописец рассказывает, что во время погрома Торжка тверичами они «одираху до последней наготы, рекше до срачицы (сорочки)» добрых жен и девиц, так, что те «от срамоты и истопшася в воде», и т. д. Новгородская летопись сохраняет некоторые местные особенности произношения и областные выражения, еще и до сих пор бытующие на севере («гора» — в значении берег, материк; «повалить» — в значении лечь), и т. д.

Все это вместе взятое придает новгородским летописям тот характер домашности, непосредственности, непритязательности и деловитости, который вообще выделяет новгородскую литературу из литературы других областей. Характерной особенностью новгородской летописи XIII—XV вв. является то, что летописец записывает события нисколько не медля по их свершении, под свежим впечатлением. Новгородская летопись иной раз близка по характеру к дневнику. Описывая голод 1230 г., летописец восклицает: «на улицы скорбь друга с другом, дома тоска, зряще (видя) детей плачущие хлеба, и другая умирающа». Во многих случаях новгородский летописец с такой непосредственностью передает события и сопровождает их такими бытовыми деталями, что мы без труда узнаем в нем если не их участника, то во всяком случае очевидца. Описав, например, разрушение Волховского моста льдом, внесенным в Волхов из Ильменя южным ветром, летописец так определяет время этого происшествия: «только успел посадник перейти со всем вецем (вечем) на Торговую сторону»; или, описав землетрясение, прибавляет: «тресеса земля... в обед, а инии уже бяху отъобедали».

Новгородский летописец много не договаривает, пишет как бы для памяти того, кто был сам участником или свидетелем событий. Большинство записей начинается с определения происшедшего: «бысть мятежь», или «бысть пожар», или «ходили люди молодые на Волгу» и т. д. Например: «В лето 6795. Бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: въста (восстал) всь (весь) Новъгород, без исправы, поидоша на него изо всех концов, яко сильная рать, всякий в оружии, силою великою; жалостно видение! и тако поидоша на двор его, взяша всь до его с шумом (с шумом). Симеон прибежал к владыце и владыка провади (отправил) в святую Софею; и такоко ублюде (сохранил) бог, и заутра (и на завтра) снюдошася в любовь (т. е. помирились)». В этой характерной для новгородской летописи записи не разъяснено — кто был Симеон Михайлович, почему на него «без исправы» отправился весь Новгород и что было причиной быстрого примирения с ним новгородцев. Летописец не пишет об этом, как о вещах, само собой разумеющихся и, может быть, недостойных упоминания.

В XIII в. летописец нередко выступает еще на стороне черного люда и осуждает бояр. Под 1255 г. летописец рассказывает, как «вятские люди (бояре) составили с(о)вет зол како побе(ди)ти меншии (меньших людей), а князя вывести (пригласить) на своей воли». «Меншии люди» клялись стать всем «любо живот, любо смерть (либо на жизнь, либо на смерть), за правду новгородскую, за свою отчизну». В 1259 г., когда «окаянные татары сыроядцы» приехали переписывать новгородцев, летописец с сочувствием описывает волнение меньших людей, не хотевших платить татарам выкупа и собиравшихся честно умереть за св. Софию. «Творяху бо бояре себе легко, а меншим зло», — пишет летописец. И в том и в другом из приведенных случаев сочувствие летописца всецело на стороне меньших людей.

Однако чем дальше, тем яснее определяется скептическое и отрицательное отношение летописца к вечу, к народным волнениям и к тем известиям, которые доходят до его слуха. Рассказывая, как били на вече и затем свергли с моста в Волхов Иганта Беска, летописец прибавляет: «творяхуть бо его перевет державша (т. е. обвиняли его в измене) к Михаилу (князю-изменнику); а бог то вестъ». Иногда свое скептическое и недоверчивое отношение к происходящему летописец выражает пословицей: «еже бо сееть человек, то же и пожнетъ», или «кто под другом копает яму, сам впадется в ню». Простодушно молит летописец бога, чтобы он покарал грабителей «оканьны человеци, бога не боящися, ни суда божия помняще: въздажь им, господи, по делом их».

Летописец осуждает одних, молится за других, прося им у бога отпущения грехов «в сий век и в будущем», сомневается по поводу верности слышанных им сведений и т. д. Эти сомнения, проклятия и молитвы летописца передают читателю тревожную атмосферу новгородской жизни, еще не остывшие следы которой ощущаются в летописи.

Летописец постоянно подчеркивает бессмысленность, ничтожность городских междоусобий. Новгородские междоусобия в толковании летописца всегда начинаются внезапно («воссташа весь город», «смятошася людие») либо вовсе без поводов, либо от какой-нибудь случайной драки «некоего человека» с боярином. Такое отношение к городским волнениям было, очевидно, обычным в Новгороде. Об этом можно судить хотя бы по тому, что и позднейшие былины новгородского цикла (о Василии Буслаеве, Садко и др.) устойчиво хранят в себе те же приемы в их изображении:

От того ли от бою кулачного
Начиналася драка великая.

Новгородский летописец находит вкус в описании военных столкновений с внешним врагом, иногда в описании быта и нравов своего города и всегда точен и не по-церковному энергичен, когда предоставляет слово непосредственным участникам событий. В этой краткости и энергичности речей новгородцев как бы отразился язык вечевых собраний. Несомненно, что вече выработало какие-то свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко

запоминающейся формуле. Едва ли не именно этот отголосок веча составляет наиболее любопытную сторону новгородской летописи. Такова, например, знаменитая речь посадника Твердислава на новгородском вече, неоднократно приводившаяся историками для характеристики лаконизма новгородской летописи: «тому есм рад, оже вины моеи нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех» (1218 г.) (т. е. «я рад тому, что вы не находите меня виновным; вы, братья, вольны в выборе посадников и князей»).

Не только лаконизм, но и образность, почти пословищность отличают речь новгородской летописи. Сильна и выразительна угроза Юрия новгородским послам, которой он подкрепил свое требование выдать ряд своих недругов: «не выдадети ли, а я поил есмь коне Тъхверью (рекою Тверью), а еще Волховомъ напою» и ответ новгородцев: «княже! кланяемьтися; а братьи своей не выдаваем, а крѣви не проливай; паки ли твой мець, а наше головы?» (1225 г.) (т. е. «князь, кланяемся тебе, но братии своей не выдаем; крови же не проливай; если же не согласишься, то твой меч властен над нашими головами»); или речь того же Юрия на вече: «не хочю у вас княжити, иду Църнигову (т. е. к Чернигову); гость (т. е. купцов) к мне пускайте; а яко земля ваша, тако земля моя». Такова же энергичная речь Мстислава Удалого, сказанная им на вече против Ярослава, пытавшегося перенести центр новгородской торговли в Новый Торг (Торжок): «да не будетъ Новый Търг Новгородом ни Новгород Тържьком; но кѣде святая София — ту (тут) Новгород», или другая его речь на Ярославовом Дворище перед походом на Суздаль... «любо изищу мужи новгородьстии и волости, паки ли а головою повалю за Новъгород» (1215 г.) (т. е. «либо отобью мужей новгородских и владения Новгорода, либо голову свою сложу за Новгород»). Характерный признак этих речей составляет антитеза: «Мы себе, а ты себе», «да не будетъ Новый Търг Новгородом, ни Новгород Тържькомъ», «твой мець, а наше головы», «яко земля ваша, тако земля моя» и т. д.¹.

Дух новгородского веча, легко воспринимаемая поговорочная форма, в задачу которой входило привлечь сторонников и объединить их крылатой формулой, — все это составляет характерную черту прямой речи в новгородской летописи. Невольно и в этом отношении напрашивается сравнение летописи с новгородскими былинами, прямой речи летописи с лаконичным и энергичным приглашением новгородского ушкуйника Васьки Буслая вступить в его дружину:

Кто хочет пить и есть из готового:
Вались к Ваське на широкий двор.

Летописец, как мы уже видели, с осуждением повествует о вечевых драках и потому сдержан в приведении деталей, которые оживили бы его

¹ Эта же форма антитезы выражена, кстати, и в новгородских договорных грамотах, например: «что новгородцев, то новгородцем, а что пошло князю, а то княже», или: «а кто речеть суд, а тому суд» и т. д.

рассказ. Он подчеркивает случайность раздоров и неохотно вдается в подробности, но за этим привычным лаконизмом новгородской летописи мы узнаем те же детали столкновений, которые нам известны и по былинам новгородского цикла: драки на Волховском мосту, где выходила одна сторона против другой, грабеж, в котором принимали участие лихие люди, «ниже бога не обаятся», не разбиравшие ни своих, ни чужих, участие в драках женщин, примирительная роль владыки, выходившего на Волховский мост прекращать усобицу. Как видно по летописи, причины драк на «мостике на Волховском» гораздо серьезнее, чем это изображено в народной поэзии. Не спор о заклад, а глубокие социальные противоречия лежали в их основе, хотя летописец и склонен преуменьшать внутренний смысл событий. Есть различие и в отношении к этим столкновениям: былины любуются удальством и кровопролитными шуточками новгородских молодцов, — летопись же с осуждением относится к «пьянчивым и драчливым» людям, рассматривая усобицы как козни дьявола.

Еще одно явление новгородской жизни оказалось отмеченным в летописи и сохранилось в былинах новгородского цикла: это — «ушкуйничество». К сожалению, летопись чрезвычайно кратка в упоминаниях об этом явлении, например: «Ходили молодые люди и положила всю Волгу пугу».

Под 1320 г. новгородская 4-я летопись занесла известие о неудачном походе ушкуев Игната Малыгина на самую Норвегию. В 1349 г. новгородцы снова ходили на берега Норвегии. В 1366 г. грабежи ушкуйников на Волге вызвали жалобу великого князя московского. По-видимому, жалоба пристыдила новгородцев, потому что летопись, как бы оправдываясь, записывает, что «люди молодые» ходили на Волгу «без новгородского слова» (т. е. без новгородского разрешения).

Краткостью и немногословностью отличается новгородская летопись и в описаниях столкновений с немцами и шведами. Летописец верен себе, когда передает совершившееся лишь в нескольких словах, деловито избегая подробностей и литературных распространений. Но немногословие летописца многозначительно. Рассказывая о взятии Юрьева новгородцами в 1262 г., летописец отмечает: «И бяше град тверд Юрьев, в 3 стены; множество людей в немь всяких». Однако «ни во что же твердость та бысть, но помощью божиею однимъ приступлениемъ (одним приступом) взят бысть». Летописец не останавливает своего внимания ни на приступе, ни на деталях похода, объясняя все дело только тем, что «сила святой Софии всегда низлагает неправду имеющих».

Под 1300 г. летописец рассказывает, как пришли из-за моря в Неву шведы с наместником короля, как привели с собой мастеров из своей земли и от папы римского и построили в устье Опы над Невою крепость, утвердив ее «твердостью несказанною», поставили метательные орудия, «похвалившись оканьии, нарекоша его Венець земли» (Ландскрона) и т. д. Сведения эти вполне точны: маршал Торкель Унутсон, правивший Швецией вместо малолетнего короля Биргера, сам присутствовал при построе-

нии Ландскроны. Дальнейший рассказ новгородской летописи необычайно краток: новгородцы с великим князем Андреем, сыном Александра Невского, «потягнуша крепко» и в результате «твердость та ни во чтоже бысть». Новгородцы взяли город, запалили и разнесли до основания. Единственное замечание от себя, которое позволяет себе летописец: «А покой, господи, в царствии своем душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софию».

Последующие записи летописей не менее лаконичны: «Того же лета (1368) приходиша немци ратью великою, сам бискуп (епископ) и мастер и кумендере (командор) под Изборск; и новгородци поидоша на них, и доидоша до Пьскова; и немце от Изборьска побегоша, а пороки (стенобитные орудия) посекши».

Одновременные новгородской летописи хроники Ливонии показывают, насколько ожесточенной была борьба русских с натиском немцев; победы давались новгородцам не легкою ценою.

Однако, пропуская подробности одержанных новгородцами побед, летописец подчеркивает, что иного исхода борьбы и быть не могло. Скрытая мысль летописца довольно ясна: новгородцы побеждают немцев, несмотря на все их хитрости, потому что правда на стороне новгородцев, а немцы нарушают договоры, лживы, высокоумны и горды. В данном случае скрытая мораль летописных повествований о борьбе с немцами не эпизодична и не случайна: она близка к народной морали позднейших былин новгородского цикла, проникнутых мыслью о правоте скромного, о наказании хвастливого и гордого.

Именно поэтому в былине прощается Садко все его бахвальство, когда он выбрал у подонного царя в невесты самую последнюю из трехсот показанных ему девиц — девушку Чернавку. Только тогда оказывается он на берегу реки Чернавки у Новгорода. В былинах о Василии все беды обрушиваются на него оттого, что он на пиру порасхвастался или, пренебрегая предостережением, чересчур понадеялся на свои силы. Самую дружину Василия Буслаева составляют типичные в этом отношении лица: Фомушка Горбатенький, Васинька Маленький и Потанюшко Хроменький.

Идет на пир Потанюшка маленький,
Маленький Потанюшка, храбренький,
На ножку припадает, с подлобья выглядывает.

Эта-то дружина Василия, шуточки пошучивавшая на Волховском мосту, составляла, очевидно, и те рати, которые ходили на немцев и шведов. И в летописях и в позднейших былинах состав дружины определял и характер повествования об ее подвигах.

Из Волхова воды не выпити,
Во Новгороде людей не выбити!
Стсим мы, молодцы, не хвастаем...

Так оно исторически и было.

Совпадения в тематике и в освещении событий между новгородской летописью и народным творчеством последующих веков знаменательны. Они показывают, что новгородская летопись являлась выразительницей настроений довольно широких слоев населения Новгорода.

Основные черты новгородской литературы XII—XIV вв. могут быть определены с достаточной ясностью. Демократизм языка, немногословие, трезвость, деловитость и простота изложения, интерес к быту родного города и вместе с тем к произведениям искусства объединяют разрозненные, случайно сохранившиеся литературные произведения Новгорода XIII—XIV вв. Новгородский писатель не фантазирует и редко следует литературным трафаретам своего времени, предпочитая писать о том, чему сам был свидетелем или чему свидетелями были его «дети-новгородцы».

К XIII—XIV вв. относится наибольшее количество находок в Новгороде так называемых берестяных грамот. Открытие берестяных грамот в раскопках 1951 г., руководимых А. В. Арциховским, было одним из значительнейших событий в советской науке. Это записки простых новгородских людей, процарапанные заостренными металлическими инструментами для письма на кусочках бересты: то это счет, то запись долговых обязательств, то частное письмо, то упражнение ученика, то завещание, иногда шутка, иногда приказание, иногда любовное послание. Пишут мужья к женам, крестьяне к боярину, ремесленники, торговцы, дети, жены и т. д. Некая Амвросия пишет к Степану (XIII в.), что из-за полой воды она не может с ним увидаться и видит его только в мысли. «Вся тако буду к тоби. А ты видиши ли?» — спрашивает она Степана и просит его взять ее подарок, обещая прислать еще больший. В другом случае (XIV в.) некий Борис пишет своей жене Настасье: «От Бориса ко Настасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек (человека) на жерепце, зане ми здесь дел много. Да пришли сороцицю (сорочку), сороцице забыле». В другом случае Настасья пишет об этом самом Борисе своей братии, сообщает им, что Борис умер и просит их попечалиться о ней и о ее детях: «Поклон от Настасьи к господину, к моей к братии. У мене Бориса в животе нет. Как се, господо, мною попецалуете и молими детми». Не менее трогательно письмо, в котором крестьяне бьют челом своему господину Юрию Онцифоровичу, жалуясь на его ключника, который их притеснял: «Бьют целом (бьют челом) крестьяне господину Юрию Онцифоровичю о ключнике, зандо господине, не можем ницим ему удобриться. Того, господине, с села... господине, буянить. А себе, господине...»

Перед нами непрерываемое свидетельство широкого распространения грамотности в народе, памятники народной жизни, народного языка, народных знаний, правовых представлений своего времени и т. д.

Уже не может вызывать сомнений то место в былинах о Василии Буслаевиче, где последний собирает себе дружину, рассылая по Новгороду «ярлыки скорописчатые». «Скорописчатые» грамоты, во множестве найденные в Новгороде, говорят о том, что простые люди Новгорода пользовались своею грамотностью в обиходе повседневной жизни.